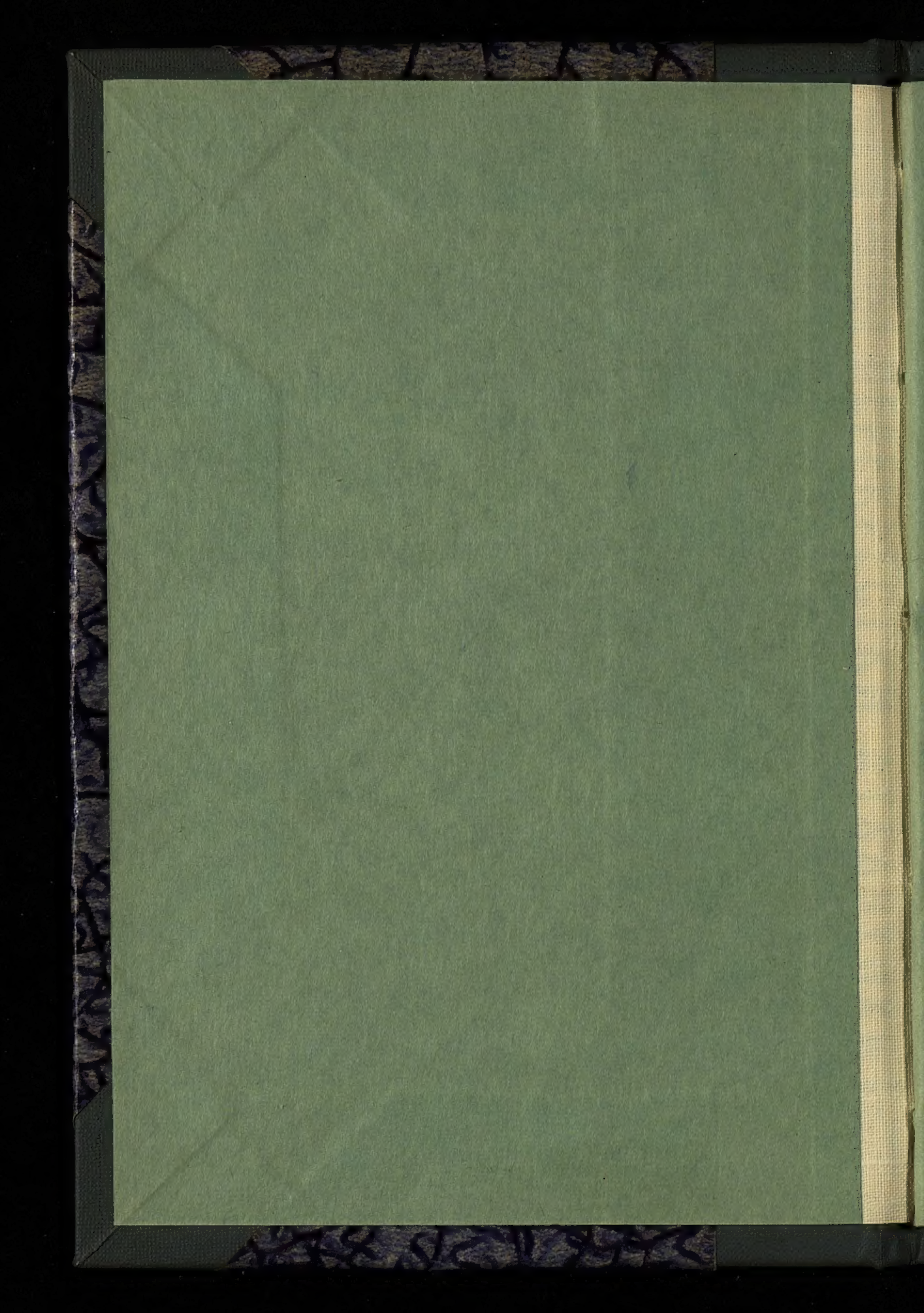
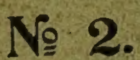
Елпатьевский
О черносотенцах...
Спб., 1906
№2

С. Елпатьевскій.

О ЧЕРНОСОТЕНЦАХЪ

№ 2.

Книгоиздательство
„СѢВЕРЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906.

О черносотенцахъ,

о „любви къ отечеству и народной гордости“, о красномъ и трехцвѣтномъ флагѣ и проч.

Мнѣ врѣзался въ памяти одинъ разговоръ. Ѣхалъ я по Волгѣ въ началѣ августа, когда о готовящемся манифестѣ уже всѣ знали. Публика была пестрая. Пожилой купецъ разсказывалъ въ рубкѣ, какъ „они“ (студенты, евреи и забастовщики), на его глазахъ, въ соборѣ, прострѣлили пулей ликъ Николая чудотворца и въ образовавшееся отверстіе вставили закуренную папироску. Подвыпившій товарищъ его расхолодилъ впечатлѣніе разсказа.

— Полно врать-то! И въ соборѣ ты въ ту пору не былъ и дѣла-то этого не было. Тебѣ набрехала Ѳекла Ивановна, ты сдуру и повѣрилъ.

Но купецъ не унимался и злымъ, сердитымъ голосомъ все бурчалъ:

— Они подлецы вѣдь что дѣлаютъ! — Сами-то не работаютъ—ихъ дѣло, а то другихъ снимаютъ съ работы, не позволяютъ. У другого, можетъ, дѣти голодныя сидятъ.

Онъ все говорилъ, и я слышалъ фразу, кинутую имъ кому-то изъ возражавшихъ.

— По моему, всѣхъ этихъ петербургскихъ: министровъ, газетчиковъ да жидовъ связать бы одной веревочкой да въ Невѣ утопить!.. Да по-

клониться господину Самарину, князю Щербатову, да Шарапову Сергѣю Ѳедоровичу, они бы управили. Разговаривалъ я намедни съ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ...

Я вышелъ на палубу, со мной вышелъ сутуловатый человѣкъ съ сѣдоватой бородой и мохнатыми суровыми бровями.

— Вишь ты, жалко ему тѣхъ, что съ работъ снимаютъ, дѣти, говоритъ, голодныя... Фабричка у него не изъ большихъ. Понатащили къ себѣ казачишекъ, поятъ, кормятъ, съ полиціей шушукаются, народъ всякій бросовый подманиваютъ, деньги раздаютъ... Вотъ увидите, — они еще натворятъ дѣловъ. Теперь онъ по всей Волгѣ про Николу звонить будетъ.

Мы разговорились. Мой собесѣдникъ оказался деревенскимъ торговцемъ, часто ѣздившимъ въ Петербургъ, куда онъ поставлялъ картошку вагонами.

— Вотъ погоди ужо, придемъ въ Государственную Думу, крышка имъ будетъ.

— Имъ-то какая крышка?

— А очень просто. Землю мы у помѣщиковъ отберемъ,—онъ посмотрѣлъ на меня вбокъ и добавилъ:—Не даромъ... Это вы, господа, думаете, что мужикъ вотъ сейчасъ ограбитъ,—что стоитъ, заплатимъ, государство бумаги такія выпуститъ. Да чтобы она общая была, чтобы размотать ее нельзя было, ни продать, ни заложить, — тогда вотъ онъ, фабрикантъ, и говори съ рабочимъ. Теперь онъ, вродѣ какъ милость оказываетъ. А тогда къ нему рабочій придетъ, да скажетъ — полтора рублика — я согласенъ, а ежели вашему степенству не рука, такъ я и въ деревнѣ проживу...

Я посмотрѣлъ на этого будущаго представителя Государственной Думы и невольно выговорилъ:—Скажите по правдѣ, будете избираться въ Думу?

— Очень хочу,—серьезно и просто отвѣтилъ онъ мнѣ, — дѣло нужно налаживать и первымъ долгомъ виноватаго найти, кто въ войнѣ и во всемъ прочемъ виноватъ... Надо...—сурово выговорилъ онъ и, помолчавши, добавилъ:—только не знаю, облокотятся ли на меня мужики. Много будетъ званныхъ, да мало избранныхъ.

Помню другой разговоръ. Предъ исправникомъ стоятъ двое и объясняютъ, что они явились депутаціей отъ населенія, съ просьбой разрѣшить патріотическую манифестацію. Не молодой, высокій, черный, съ лицомъ стараго иконописнаго письма человѣкъ говоритъ:

— Мы не можемъ, г. исправникъ, терпѣть, чтобы они надъ нами верхъ взяли. Это было 18-го октября вечеромъ, послѣ продолжавшейся весь день демонстраціи организованныхъ рабочихъ. Онъ продолжаетъ говорить какія-то несвязныя слова:

— Мы хотимъ на счетъ русской земли—устроенія, и все чтобы...

Я вижу, какъ волнуется его спутникъ, молодой бѣлокурый. Онъ не выдерживаетъ, наконецъ, и выпаливаетъ откровенное слово:

— Господинъ исправникъ, я былъ на ихъ митингѣ, тамъ ни одного русскаго, все жиды.

Онъ вретъ,—тамъ именно евреевъ было очень мало, но вретъ убѣжденно и несокрушимо. Патріотическая манифестація состоялась, но, къ счастію, не смотря на откровенные призывы на базарѣ—бить евреевъ и ораторовъ, — погрома не вышло, благодаря соединеннымъ усиліямъ всѣхъ благомыслящихъ гражданъ города и проявленному организованными рабочими такту. Черезъ два дня встрѣчаю знакомаго обывателя, изъ торгующихъ, ничѣмъ не опороченнаго.

— Какъ только Богъ пронесъ!—съ испугомъ говоритъ онъ.—На волоскѣ висѣло. Еще бы минуточку и готово.

— А вы устройте еще одну патріотическую манифестацію—и будетъ погромъ,—говорю я.

— Да что вы, развѣ намъ это нужно! Я и не хотѣлъ... Да ужъ очень „они" разсердили насъ, когда флаги національные рвать стали.—И вдругъ съ дрожью въ голосѣ заговорилъ искренно и горячо:

— Вы подумайте, вѣдь русскій флагъ для насъ, въ родѣ какъ образъ, икона...

Черезъ нѣсколько дней онъ останавливаетъ меня на улицѣ.

— Я такъ полагаю, что главная препона всему—сродственники. Препятствуютъ. Какъ хотите,—родня. Свобода-то имъ прямо табакъ.

А пріѣзжавшіе изъ Одессы погромщики разсказывали на базарѣ, что евреи хотятъ устроить въ Россіи еврейское царство и „подогнуть русскихъ подъ себя" и царя уже своего выбрали. Мнѣ и фамилію новаго еврейскаго царя говорили. А другой черносотенникъ, тоже принимавшій участіе въ патріотической манифестаціи, таинственно сообщаетъ мнѣ:

— Я такъ полагаю, что вся штука въ Вильгельмѣ? Какъ ни какъ — нужно ему Россію на нѣтъ свести.

Человѣкъ ругательски ругаетъ забастовщиковъ, разсказываетъ, какіе несетъ онъ убытки, и, съ той быстрой смѣной настроенія, какая бываетъ у русскихъ, говоритъ:

— А ничего не подѣлаешь, туда дѣло идетъ. Всякій своихъ правовъ добивается. — И даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ добавляетъ:—А ловко они эту желѣзнодорожную забастовку провели!

Люди бродятъ во тьмѣ, все ищутъ виноватаго, принимаютъ то готовое объясненіе, которое подсовываютъ ему изъ участка: „евреи", „интеллигенція" и „забастовщики", доискиваются и сами своей темной мыслью.

Выраженіе „черная сотня", очень неудачно.

По существу это слово не выражаетъ содержанія или, вѣрнѣе, смѣшиваетъ совершенно разныя содержанія. Смѣшиваетъ въ одно,—и людей темной души, — самый худшій сортъ черносотенниковъ, куда входятъ вмѣстѣ съ обыкновенными убійцами, ворами и мошенниками и профессора, и ученые, и всякіе люди въ сюртукахъ и мундирахъ, которымъ выгодно сохранить самодержавіе и старый порядокъ, и которые поэтому сознательно взводятъ всякія небылицы на людей, желающихъ новаго порядка, и туда-же зачисляетъ людей темной мысли, которые не виноваты въ томъ, что правительство употребило всѣ усилія, чтобы не допускать къ нимъ никакого свѣта.

„Они просто обыватели, писалъ я еще въ Іюлѣ, въ той или другой формѣ связанные съ полицейскимъ участкомъ. Только люди, долго жившіе въ провинціальныхъ городахъ, знаютъ, что такое полицейскій участокъ въ жизни обывателя. Если чиновникъ, докторъ, адвокатъ, дворянинъ, крупный купецъ своими связями, знакомствомъ съ писаннымъ закономъ до извѣстной степени освобождены отъ его власти, то есть цѣлыя категоріи профессій, всецѣло находящіяся во власти участка. Мелкій лавочникъ, трактирщикъ, подрядчикъ и проч., и проч. могутъ жить только съ разрѣшенія участка и во всякую минуту дня и ночи протоколомъ, актомъ о не свѣжей провизіи, о не соблюденіи санитарныхъ требованій и обязательныхъ постановленій, о скандалѣ въ гостиницѣ, о тухлой солонинѣ можно прекратить эту жизнь и остановить дѣло. На этомъ неограниченномъ значеніи полицейскаго участка и выросла знаменитая пословица: „отъ сумы да отъ тюрьмы не отрекайся“.

„Есть профессіи, покоящіяся цѣликомъ не на писанномъ законѣ, а на обычномъ правѣ полицейскаго участка: негласные дома терпимости, негласные игорные дома, притонодержатели, ко-

нокрады, пріемщики краденаго, воры и мошенники находятся уже въ полной власти полиціи, отъ которой зависитъ цѣликомъ ихъ вопросъ: быть или не быть.

„Если русскій обыватель вообще привыкъ получать распоряженія изъ участка и ждетъ, когда ему скажутъ, что въ такой-то день разрѣшается торжествовать, а въ такой—печалиться, разрѣшается встрѣтить новаго любимаго губернатора и проводить стараго любимаго; разрѣшается производить пожертвованія на Красный Крестъ и усиленіе флота, —то обыватель, ютящійся около полицейскаго участка и отъ него цѣликомъ зависящій, воспитанный рядомъ поколѣній въ неустанномъ трепетѣ предъ участкомъ, опредѣляетъ свое политическое настроеніе велѣніями, исходящими изъ участка. Говорятъ—радуйся, онъ радуется; составляй телеграмму—онъ составляетъ; посылай адресъ—онъ посылаетъ. И, конечно, когда ему скажутъ бей—онъ будетъ бить".

Съ тѣхъ поръ мое мнѣніе не измѣнилось, и все то, что совершалось въ Россіи съ того времени,—и что послѣ 17-го октября вылилось въ опредѣленную форму контръ-революціи, повидимому, предписанной изъ Петербурга—только подтверждало высказанную мною тогда основную точку зрѣнія. Черносотенная, такъ называемая, патріотическая манифестація получила окончательную форму, выработала свою обрядность, извѣстный обязательный „порядокъ дня". Наиболѣе короткую и законченную формулу дала Калуга. Не помню буквально текста телеграммы, но она врѣзалась въ моей памяти во всей своей краткой вразумительности. Было молебствіе... потомъ процессія: впереди портретъ государя, за нимъ губернаторъ Офросимовъ съ чиновниками, а *потомъ* погромъ—грабежъ и убійства. Эта единственная по своей короткой и точной вразумительности телеграмма, обошедшая всѣ газеты, со-

вершенно явственно и вразумительно выясняетъ устройство всѣхъ патріотическихъ манифестацій, погромовъ тожъ, происходившихъ одновременно съ Калужскимъ и сопровождавшихъ манифестъ 17-го октября. Изъ Петербурга, если вѣрить сообщеніямъ газеты „Русь", по одной и той же проволокѣ, только что звенѣвшей о свободахъ и неприкосновенности личности, полетѣла другая телеграмма: „не препятствовать проявленію патріотическихъ чувствъ русскаго населенія". Губернаторы, освѣдомленные въ авторитетности источника телеграммы, гарантирующаго ихъ безнаказанность, принимали телеграммы не „къ свѣдѣнію, а къ „исполненію".

Отдавался приказъ по участкамъ „ввѣренной" губерніи, а участки немедленно собирали тѣ силы, о которыхъ я упоминалъ и выработанный „порядокъ дня" исполнялся. Молебенъ, портретъ государя, явно или тайно присутствующій губернаторъ или исправникъ, казаки и войско, а *потомъ* погромъ, расхищеніе чужого имущества, убійства, выкалываніе глазъ, вбиваніе гвоздей, изнасилованіе женщинъ, разбиваніе грудныхъ дѣтей объ уголъ домовъ, поджоги и сжиганіе живыхъ людей,—однимъ словомъ, все то, что сдѣлалось злонамѣренной принадлежностью патріотическихъ манифестацій. Эта установленная обрядность спаяла навѣки въ сознаніи народа вмѣстѣ портретъ государя, казацкую нагайку, губернатора или исправника, черную сотню, грабежъ, убійства, поджоги, закалываніе дѣтей, изнасилованіе женщинъ... подъ охраной казаковъ и войскъ... И не удивительно, что появленіе портрета государя на улицахъ города возбуждаетъ теперь паническій ужасъ среди мирныхъ обывателей. И не однихъ обывателей. Знакомый полицейскій чиновникъ настойчиво предупреждалъ меня объ имѣющемъ быть въ томъ городѣ, гдѣ я жилъ, погромѣ и, видя, что я сомнѣваюсь и не довѣряю ему — ше-

потомъ, съ испугомъ на лицѣ *), добавилъ:

— Портретъ уже достали!

Тогда я повѣрилъ и вскорѣ убѣдился, что положеніе вещей было очень серьезно.

Да, это все такъ, но нужно помнить, что черносотенники не исключительно хулиганы, а также и обыватели, мѣстные жители; что, рядомъ съ настоящими погромщиками, убійцами и грабителями стоятъ люди, только не противодѣйствующіе погромамъ, молчаливо присутствующіе на нихъ, и что нельзя сводить только къ участку все то сложное и трудно поддающееся учету, что называется черной сотней.

Замѣчательно, что черносотенники настоящіе грабители и убійцы никогда не выставляли въ голомъ видѣ своей программы, не говорили, что они хотятъ поживиться чужимъ добромъ, что они жгутъ и убиваютъ по приказу изъ участка, а говорили о соображеніяхъ высшихъ. На югѣ, на сѣверѣ, на востокѣ били разныхъ людей. Били ли студентовъ, а за отсутствіемъ ихъ ребятъ-гимназистовъ въ Курскѣ, интеллигенцію вообще въ Нижнемъ-Новгородѣ, спеціально медицинскій персоналъ въ Балашовѣ, земцевъ въ Тамбовѣ или евреевъ на югѣ, вездѣ были слова высшаго порядка, соображенія, такъ сказать, патріотическія.

Поруганіе православной вѣры, еврейскій царь, опасность разрушенія государства россійскаго и необходимость землеустроенія и проч., и проч.,— вездѣ дѣйствовало все это море клеветнической лжи, которое родилось въ петербургскихъ и мѣстныхъ участкахъ, которое рождается въ воздухѣ, насыщенномъ вонючими газами борющагося за существованіе стараго порядка.

---

*) Теперь многіе полицейскіе чиновники, не слишкомъ яростно создающіе карьеру, боятся и не желаютъ погромовъ въ виду удостовѣреннаго исторіей риска для нихъ самихъ.

И опять повторяю, никто не говоритъ, что онъ идетъ грабить, рѣзать, жечь. Очевидно, имъ нужно благословеніе не одного участка. Они легче себя чувствуютъ, когда ихъ благословляетъ священникъ, когда имъ предшествуетъ губернаторъ, портретъ царя, а за ихъ спиной стоятъ люди, участвующіе въ патріотической манифестаціи не для грабежа, а отъ чистаго сердца во имя этихъ лозунговъ сохраненія вѣры отъ поруганія, самодержавнаго русскаго государства отъ еврейскаго царства, обереганія его отъ расхищенія его инородцами. Такіе люди вездѣ есть, они не грабятъ и не жгутъ, и именно къ нимъ обращается организованное полицейское и уличное хулиганство. И, замѣчательно, что и газетныя сообщенія, и разсказы очевидцевъ устанавливаютъ одно— грабитъ и убиваетъ не большинство патріотическихъ манифестантовъ, а меньшинство и успѣваетъ оно производить колоссальные погромы и массовыя убійства, только благодаря попустительству большинства, съ одной стороны, и съ другой—въ особенности благодаря невмѣшательству, а иногда и содѣйствію казаковъ и войскъ.

Кто же они, — эти люди, какъ я сказалъ, не препятствовавшіе погромамъ, на кого опирались грабители и убійцы, чье молчаливое согласіе давало имъ силу, извѣстное освященіе? Я бы назвалъ ихъ: люди „стараго пониманія любви къ отечеству и народной гордости“.

Какая это была любовь къ отечеству и въ чемъ состояла народная гордость, извѣстно всякому. Могущественное государство, огромная военная сила, захватъ смежныхъ областей, безпредѣльность границъ, подавленіе народностей, входящихъ въ составъ русскаго государства— вотъ содержаніе любви и народой гордости старыхъ русскихъ людей. „Шапками закидаемъ“, „Громъ побѣды раздавайся“, „Покоримъ подъ нози врага и супостата“—вотъ формулы, въ которыхъ

выражалась эта любовь къ отечеству. Люди старые, видѣвшіе хоть однимъ глазомъ крѣпостную Россію, помнятъ, что именно таково, еще недавно, было почти всеобщее понятіе любви къ отечеству и народной гордости. И люди, измѣнившіе это старое пониманіе, вѣроятно, помнятъ, тотъ патріотическій восторгъ, который возбуждалъ у нихъ, подростковъ, генералъ Суворовъ, гоголевская тройка и знаменитое Пушкинское „Клеветникамъ Россіи".

Это была не черносотенная психологія, это было пониманіе почти всей, подавляющей части Россіи. Цѣлыя столѣтія „собиранія Руси", цѣлыя столѣтія расходованія всѣхъ силъ и всѣхъ людей страны на достиженіе внѣшняго могущества, на округленіе границъ, на поглощеніе народностей, вклинивавшихся въ территорію, создавали извѣстный культъ военнаго могущества, медлительно и долго складывали въ массахъ смутное сознаніе важности, неизбѣжности, патріотическаго долга поддержанія этого внѣшняго могущества. И, когда границы округлились, кончилась прежняя настоятельная надобность исключительнаго военнаго лагеря, когда русскія войска стали усмирять венгерцевъ, освобождать болгаръ, охранять неприкосновенность Китая и Кореи захватомъ Портъ-Артура и Манчжуріи и устройствомъ концессіи на Ялу,—по привычкѣ—общественная мысль шла все въ томъ же направленіи, т. е. сосредоточивалась на внѣшнемъ могуществѣ, не заботясь о гражданственности. Я говорю о несознательной, стихійной общественной мысли.

Правительство давно и уже съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ использовало то, вѣками складывавшееся, смутное народное сознаніе, и съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ воспитывало общество все въ томъ же кошмарѣ военной славы, принесенія личности въ жертву молоху военнаго могущества, и давило всякія проявленія граждан-

ственности, всякія попытки внутренняго устроенія государства россійскаго. Въ правительственныхъ манифестахъ, съ церковныхъ кафедръ, неслась все та же единственная проповѣдь: покоримъ подъ нози врага и супостата, и съ уменьшеніемъ внѣшняго врага и супостата, таковымъ постепенно оказывались: то армяне, то евреи, то финляндцы, то поляки; наконецъ, внутренніе враги,—тѣ, которые вложили новое понятіе въ старую формулу любви къ отечеству и народной гордости, кто хотѣлъ перенести центръ тяжести государственной жизни на установленіе справедливыхъ нормъ гражданской жизни, на созданіе внутренняго могущества Россіи.

Въ превосходной повѣсти Куприна „Поединокъ“ фельдфебель или унтеръ-офицеръ втолковываетъ солдатамъ, что внутренніе враги, это — бунтовщики, студенты, конокрады, жиды и поляки. Такъ долгіе годы правительство стремилось внушать народу.

Это была странная любовь къ отечеству и удивительная народная гордость.

Лѣтъ двадцать назадъ, мнѣ пришлось довольно долго жить въ средѣ средняго и мелкаго купечества и наблюдать дѣйствовавшую тогда во всю особенную купеческую нравственность. Считалось особеннымъ молодечествомъ надуть другого купца, иногда пріятеля, всучить ему гнилой, подмоченный товаръ, сообщить подложныя свѣдѣнія о цѣнахъ, обсчитать при расчетѣ. Дѣлалось это не изъ одной жадности, это была удаль, это было до извѣстной степени вопросомъ чести, такъ какъ этимъ въ значительной степени опредѣлялось положеніе даннаго человѣка въ средѣ, уваженіе къ нему, его кредитоспособность. Въ большинствѣ случаевъ это даже не портило пріятельскихъ отношеній — „нынче ты, а завтра я“. Я помню, какъ подростки, пріятельствовавшіе со мной, — съ восторгомъ разсказывали мнѣ, какъ ихъ отецъ „об-

ставилъ“ Ивана Платоныча и какъ Иванъ Платонычъ хотѣлъ„ обремизить“ ихъ отца, да не вышло. — Они любили своего отца, восхищались силой его, успѣхомъ его и любили его именно за эту силу, за то, что онъ такъ ловко обставляетъ другихъ и не даетъ ремизить самого себя. Недавно я встрѣтилъ одного изъ нихъ — бородатаго отца семейства. Онъ измѣнилъ свои взгляды и у него другая нравственность, онъ принимаетъ горячее и чистое участіе въ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ, и, когда мы вспоминали объ его отцѣ, онъ разсказывалъ мнѣ, какъ въ послѣдніе годы его отецъ прилѣпился къ дѣлу народнаго образованія и выстроилъ школу, и какъ онъ помогалъ крестьянамъ въ голодный годъ, — онъ выискивалъ мнѣ черты не грабежа и хищничества, а доброты и общественныхъ стремленій. Онъ также любилъ отца своего, но другой любовью, и гордился не тѣмъ, чѣмъ гордился въ немъ раньше.

Такова же была по существу и старая любовь къ отечеству и народная гордость. — Когда русскіе военначальники отдавали на разграбленіе взятые города солдатамъ и совершались невѣроятныя жестокости, когда Россія грабила другія народности, отнимала у армянъ ихъ земли, угнетала Польшу, ломала и коверкала Финляндію, люди стараго пониманія любви къ отечеству и народной гордости любовались жестокосердыми подвигами своего правительства, рукоплескали и говорили:

— Такъ имъ и надо, горло бы имъ перервать, бунтовщикамъ!..

Да, русскіе люди выросли, поднялись нравственно и умственно, стали любить Россію не за тѣ насилія, которыя она проявляла въ отношеніяхъ къ другимъ народностямъ, а за то общечеловѣческое, чистое и высокое, что, вопреки усиліямъ правительства, наперекоръ исторіи, несъ въ себѣ русскій народъ, стали гордиться тѣмъ вкла-

домъ, который Россія дѣлала послѣднія десятилѣтія въ общечеловѣческую сокровищницу духа,—въ области литературы, идей, искуства,—и тѣмъ великимъ вкладомъ, который она внесла въ истекшіе воистину чудотнорные двѣнадцать мѣсяцевъ въ общую гражданскую жизнь человѣчества; но за этими людьми новаго пониманія внутренняго домостроительства продолжала и продолжаетъ стоять стѣна темныхъ людей прошлаго уклада внѣшней политики. Какъ вездѣ и всегда, эта внѣшняя политика, помимо подавленія гражданственности, постепенно развращала населеніе. Извѣстно, что то, что въ мирное время является уголовнымъ преступленіемъ, во время войны считается патріотическомъ подвигомъ,—и грабежи и захваты чужого имущества, и убійства, и поджоги, — за вѣру, царя и отечество можно было безнаказанно душить людей, грабить дома, избивать мирныхъ жителей до дѣтей включительно.

И оттого, что любовь къ отечеству была мохнатая, звѣриная любовь къ сильному и страшному своей силой государству, что намъ нечѣмъ было гордиться „въ семьѣ другихъ странъ, кромѣ стальной щетины штыковъ“, и можно было говорить клеветникамъ Россіи и кичливому ляху только одно: „Иль мало насъ, или отъ Перьми и до Тавриды“...—нашъ русскій патріотизмъ получилъ особенный свирѣпый характеръ.

Помню, четыре-пять лѣтъ назадъ, мнѣ пришлось говорить съ знакомымъ купцомъ по поводу разгрома Пекина и захвата русскими Манчжуріи и Портъ-Артура. Онъ былъ полонъ восторга, я былъ полонъ ногодованія,—и по поводу жестокостей русскихъ и иностранцевъ, и по поводу авантюры, грозившей истощить финансовыя силы Россіи и вовлечь ее въ новую войну. Разговоръ сразу принялъ острый характеръ и, когда я высказалъ предположеніе, что насъ могутъ разбить не только нѣмцы, а даже японцы, такъ какъ

во всякой войнѣ у насъ непремѣнно окажется казнокрадство, мошенничество, неподготовленность и малыя знанія, — то, что наблюдалось въ турецкую кампанію,—мой собесѣдникъ круто повернулся ко мнѣ и, тяжело дыша, съ злымъ огнемъ въ глазахъ, съ трудомъ выговорилъ:

— Не говорите мнѣ такихъ словъ... Я не могу! Я не позволю!

Я видѣлъ, какъ онъ весь дрожалъ. Онъ не сказалъ мнѣ: „горло перерву", но бросилъ мнѣ такую неконченную фразу:

— Если бы это не вы... Если бы не вы... Я бы... Я бы...

Это былъ порядочный и безусловно честный человѣкъ.

Пусть вспомнятъ читатели тѣ столкновенія, которыя происходили въ началѣ войны въ безусловно культурныхъ семьяхъ между людьми стараго уклада и новаго пониманія, между читателями „Новаго Времени" и читателями независимыхъ, честныхъ газетъ, — столкновенія, при которыхъ люди образованные и глубоко искренніе съ проклятіями и злобой обрушивались на тѣхъ, кто допускалъ возможность разгрома Россіи, кто не вѣрилъ лживымъ сообщеніямъ правительства и „Новаго Времени". Тогда разговоры принимали свирѣпый тонъ, и я знаю случаи, гдѣ дѣло доходило до прекращенія старыхъ знакомствъ, до разрыва давней дружбы. Если мы можемъ наблюдать и по сіе время этотъ старый свирѣпый патріотизмъ, нетерпимый и такъ легко переходящій къ насиліямъ всякого рода, среди культурныхъ образованныхъ людей,—то какъ же намъ, въ глубинахъ Россіи, мѣшать въ одну грязь съ людьми темной души, съ злостными и преднамѣренными негодяями стараго порядка—людей, вся вина которыхъ въ томъ, что мысль ихъ темна, что не могутъ они разобраться, кто виноватъ, гдѣ правда, куда имъ идти?

Да, двѣнадцати-дюймовыя японскія орудія разбили старый кувшинъ русской народной гордости, и мерзость запустѣнія оказалась тамъ, гдѣ люди полагали сокровища своего народнаго бытія, и раскрывшiяся раны Россiи оказались такъ глубоки, такъ грязны и вонючи, что темный человѣкъ стараго уклада въ ужасѣ отшатнулся и разразился проклятiями. Но онъ остался человѣкомъ старой любви къ отечеству и народной гордости. Въ русскую жизнь съ страстью и неотразимой силой логики вышли люди новаго пониманія любви къ отечеству и народной гордости, но, если идеи на штыки не уловляются, то и старое мiропониманiе, складывавшееся сотни лѣтъ, не устраняется изъ жизни сразу ни бомбами, ни прокламацiями, ни японскими снарядами. Оно разбито, разгромлено, но на его мѣсто не встало новое, въ старую формулу не влито новое содержанiе.

И вотъ они, люди стараго пониманія, выбитые изъ вѣковой позицiи внѣшняго могущества и не просвѣтленные новымъ пониманiемъ, стоятъ въ недоумѣнiи предъ тѣмъ, что нахлынуло на нихъ, стоятъ испуганные, колеблющiеся, сомнѣвающiеся. У нихъ остались старые дорогiе символы и они жадно впитываютъ въ себя то, что шлется негодяями сверху и негодяями ихъ участка, разсказы о поруганiи русскихъ храмовъ и иконъ, о грядущемъ еврейскомъ царствѣ, о разрушенiи государства россiйскаго,—и мохнатыя звѣриныя сердца содрогаются.

Пока они сомнѣваются и колеблются. Они не противодѣйствуютъ, но активно и не содѣйствуютъ патрiотическимъ грабежамъ и убiйствамъ, они не содѣйствуютъ, но активно и не противодѣйствуютъ забастовкамъ, такъ бьющимъ ихъ по карману,—не противодѣйствуютъ, такъ какъ колеблются, не увѣрены въ неправдѣ бьющихъ и смутно чувствуютъ правду бастующихъ; но они

скоро перестанутъ сомнѣваться и колебаться и возстановятъ нарушенное равновѣсіе духа. И то, къ чему они придутъ, будетъ очень важно для Россіи, и *пока* на это рѣшеніе могутъ оказать большое вліяніе люди новаго пониманія русской исторіи и жизни.

Я не хочу никого учить, моя задача прежде всего разобраться въ сложномъ, многими односторонне понимаемомъ, такъ называемомъ, черносотенномъ движеніи, но я не могу не высказать нѣсколькихъ соображеній.

Задачи и тактика столицы и провинціи въ особенности огромной и пестрой русской провинціи, должны быть разныя. Если настоящій историческій моментъ требуетъ широкой государственной постановки партійныхъ программъ, если здѣсь, въ Петербургѣ, логично и законно — отмежевываніе другъ отъ друга, партіи отъ партіи, если Петербургъ долженъ заниматься рѣшеніемъ государственныхъ вопросовъ, — то передъ провинціей предъ глубинами Россіи, стоитъ другая задача и другая тактика. Такъ, гдѣ полтора человѣка одной партіи, и два съ половиной другой, размежеваніе другъ отъ друга, безконечные партій споры, держа мѣстную духовную жизнь въ рамкахъ партійныхъ разногласій, оставляютъ внѣ воздѣйствія, внѣ поля зрѣнія, большую часть населенія.

Тотъ, кто знаетъ провинцію—и чѣмъ глубже она, тѣмъ это справедливѣе, — согласится, что тамъ необходимы еще прежде всего „первые начатки грамоты"—проведеніе въ жизнь элементарныхъ основъ новой русской гражданственности, и первая задача мѣстныхъ людей отмежевывать новую Россію отъ старой Россіи, просвѣщать темныхъ людей, вливать новое содержаніе въ старую формулу любви къ отечеству и народной гордости.

И здѣсь, въ Петербургѣ, пусть люди не празднуютъ еще побѣды, и не очень умно заниматься

споромъ, кто добылъ ее, такъ какъ побѣды еще нѣтъ, такъ какъ взятіе отдѣльныхъ непріятельскихъ позицій еще не побѣда. И пусть люди помнятъ, что *тамъ не спокойно... Тамъ* темный человѣкъ стоитъ на распутьи русскихъ дорогъ и колеблется, не знаетъ, куда ему идти. Тамъ по задворкамъ людского жилья бродитъ волкъ, не сытый, попробовавшій горячей человѣческой крови, и волчьи зубы щелкаютъ и волчьи глаза поблескиваютъ во тьмѣ россійскихъ глубинъ.

Мнѣ хочется разсказать о братскомъ единеніи, чуть ли не единственномъ случаѣ, свѣтлымъ пятномъ оставшемся у меня на фонѣ мрачныхъ ужасовъ и звѣриной озлобленности другъ на друга, сопровождавшихъ объявленіе манифеста 17-го октября.

Вотъ какъ описываетъ мѣстная газета митингъ въ Алупкѣ, состоявшійся 21-го октября.

Было принято предложеніе доктора П. М. Борисова отслужить на слѣдующій день панихиду по погибшимъ борцамъ за народную свободу и молебенъ.

Одинъ изъ рабочихъ напомнилъ о священникѣ Г. Гапонѣ, одномъ изъ видныхъ борцовъ за долю и счастье народное, и предложилъ послать ему привѣтственную телеграмму, что и было принято безъ единаго возраженія съ огромнымъ энтузіазмомъ. Произведенный тутъ же сборъ на телеграмму далъ 34 р. 79 коп., деньги были переданы предсѣдателю съ просьбой привлечь къ редактированію текста телеграммы тѣхъ лицъ, коихъ онъ сочтетъ нужными.

Одновременно съ этимъ г. Анофріевъ произнесъ страстную рѣчь, въ которой доказывалъ необходимость посылки телеграммы государю императору. Глубокое волненіе оратора передалось слушателямъ и вызвало рядъ страстно рѣзкихъ репликъ, какъ за, такъ и противъ предложенія оратора. Поуспокоившись, собраніе признало право каждаго на полную свободу его политическихъ убѣжденій и предоставило группѣ единомышленниковъ г. Анофріева послать телеграмму государю. Собранныя для этой цѣли 26 руб. 71 коп. переданы г. Анофріеву и ему же поручена редакція телеграммы.

Далѣе собраніе пожелало выяснить себѣ значеніе краснаго флага, непремѣнной принадлежности послѣднихъ манифестацій и его отношеніе къ національному трехцвѣтному флагу. Рядъ ораторовъ: д-ръ В. М. Ивановъ, д-ръ Д. А. Гохбаумъ, священникъ о. Троепольскій высказывались приблизительно въ одномъ духѣ, а именно, что красный флагъ есть флагъ общечеловѣческій, символъ стремленія къ свѣту, правдѣ, свободѣ, равенству, братству; флагъ же трехцвѣтный есть флагъ русской націи и до тѣхъ поръ, пока живетъ русская нація, будетъ жить и трехцвѣтный флагъ. Такимъ образомъ за обоими признается право на совмѣстное существованіе: это — „два родные брата“, по выраженію г. В. И. Сѣнцова. Присутствовавшіе на собраніи представители рабочаго класса, видимо, однако, отдавали свои симпатіи флагу одноцвѣтному, но все же и они, руководясь принципомъ свободы совѣсти, признали право каждаго украшать свои дома тѣми флагами, какими кто желаетъ. Около 2 час собраніе, по желанію присутствовавшихъ, было председателемъ закрыто.

Въ общемъ собраніе, не смотря на крайнюю политическую остроту затрагиваемыхъ темъ, прошло чрезвычайно мирно. Терпимость и сдержанность присутствовавшихъ, если принять во вниманіе, что это первые опыты народныхъ собраній на русской почвѣ, были поразительны. На собраніи царило торжественно-праздничное настроеніе, сердца присутствующихъ были широко раскрыты для всего чистаго, добраго, свѣтлаго.

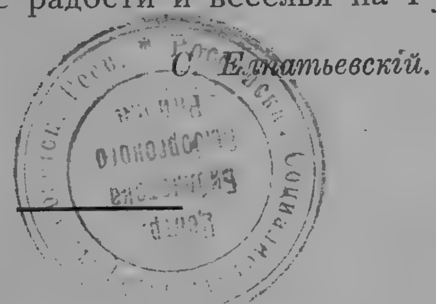
Близкій мнѣ человѣкъ, принимавшій наиболѣе дѣятельное участіе въ организаціи этого народнаго собранія, добавилъ мнѣ нѣсколько подробностей, не попавшихъ въ газетную корреспонденцію. Послѣ народнаго собранія присутствующіе двинулись процессій, выросшей до 1000—1500 человѣкъ. Они связали вмѣстѣ „братьевъ“ — національный и красный флагъ, и подъ этими связанными флагами ходили праздничные и ликующіе по улицамъ Алупки. Къ русскимъ на митингъ явилась въ праздничныхъ одеждахъ депутація отъ татаръ поздравлять русскихъ съ счастіемъ и свободой, послѣ русскіе отправились къ мечети отдавать визитъ, и русскіе поздравляли татаръ съ счастіемъ и свободой; тамъ ихъ встрѣтили братски и радостно, и юноша, образованный татаринъ, со ступени мечети держалъ рѣчь о томъ свѣт-

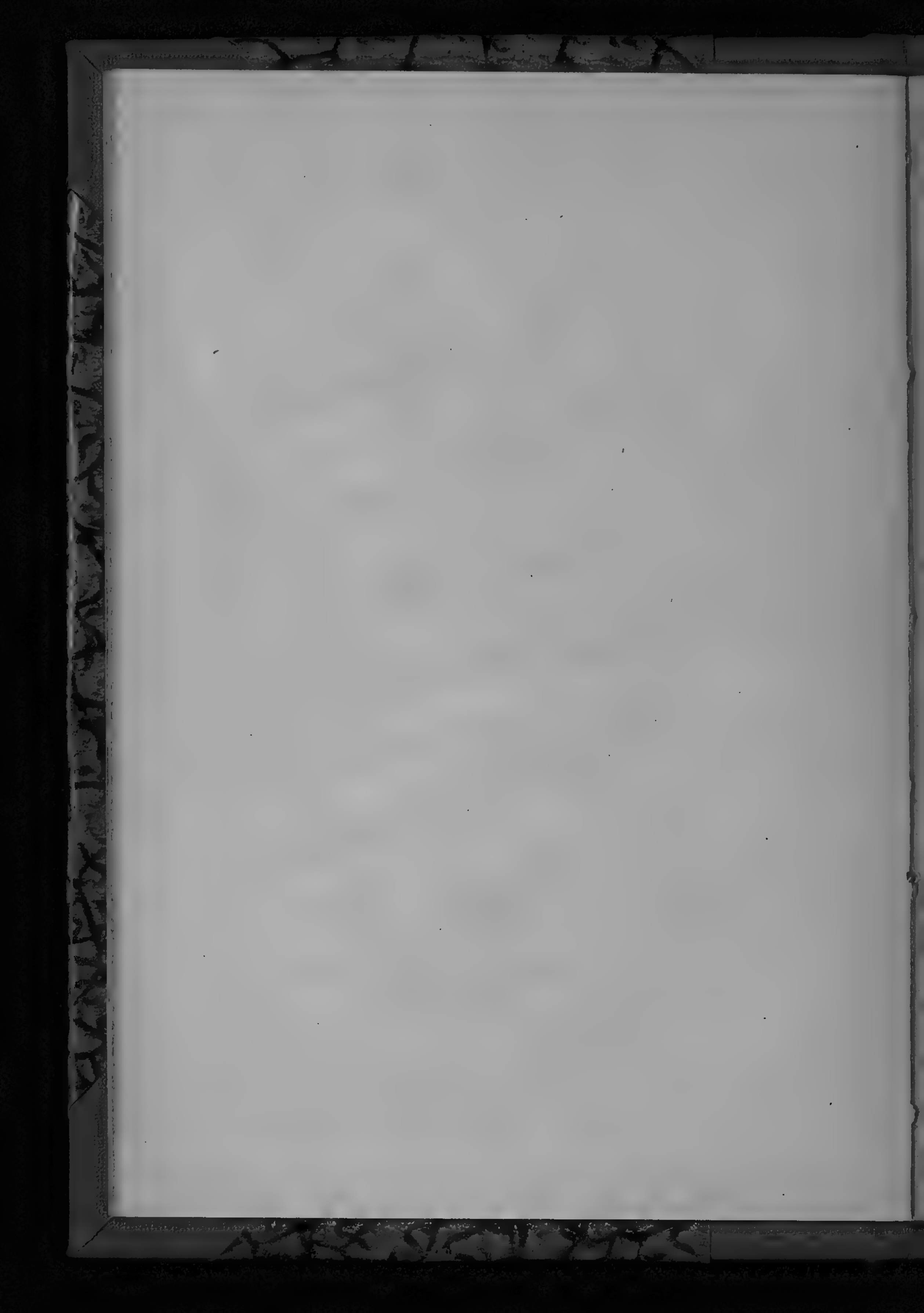
ломъ будущемъ, которое наступитъ для всѣхъ жителей Россіи и русскихъ и татаръ. Правда, въ концѣ корреспонденціи стояла фраза, которую нужно учитывать въ двойной стоимости, какъ объясненіе тишины мира и братства этого не омраченнаго свѣтлаго праздника: „присутствовавшая на собраніи полиція держала себя вполнѣ корректно, не вмѣшиваясь въ ходъ собранія“, но всѣ очевидцы подтверждаютъ, что на собраніи царило торжественно-праздничное настроеніе.

Вотъ какъ бываетъ, когда люди желаютъ сговориться другъ съ другомъ и никто не мѣшаетъ имъ. И когда люди поймутъ, что слобода слова не въ томъ, чтобы мѣшать другъ другу говорить и не будутъ хватать за горло только потому, что другой думаетъ такъ, а не иначе,—они сговорятся.

Сговорятся и поймутъ, что сила государства не въ одномъ кулакѣ, не въ одномъ внѣшнемъ могуществѣ, не въ пушкахъ и штыкахъ, а во внутреннемъ могуществѣ, въ просвѣщеніи народа, въ накопленіи знаній, въ увеличеніи матеріальнаго благосостоянія, въ устройствѣ гражданской жизни на началахъ справедливости, свободы и братства, на основаніяхъ, устанавливаемыхъ самимъ народомъ, а не участкомъ и чиновниками. Тогда они будутъ любить родину другой любовью и гордиться не звѣрскими насиліями надъ другими народностями. Тогда всѣ будутъ стремиться къ братству и единенію, къ тому, чтобы не проливалась кровь въ отечествѣ, чтобы меньше было слезъ, а больше радости и веселья на Руси.

С. Елпатьевскій.

Цѣна 10 коп.

Типографія Н. Фридберга, Б. Сампсоніевскій пр., 62.

